

УДК 130.2; 808.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-9

Егоров Н. С. | Рождение автора как междисциплинарная проблема

Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королёва, д. 7,
г. Белгород, 308033, Россия; jivaturik@yandex.ru

Аннотация. Крупнейшие отечественные и зарубежные исследователи авторства (С.С. Аверинцев, В.В. Виноградов, Д.С. Лихачев, Р. Барт) рассматривали фигуру автора в исторической ретроспективе. Динамика авторства, откликающаяся на смену культурно-исторических эпох, стала исследовательской очевидностью. Тем не менее вопрос об эпохе рождения автора до сих пор представляет собой обширную междисциплинарную проблему, не имеющую конвенционального решения. В настоящей статье мы сформулировали два основных академических взгляда на проблему, применив термин «осознанный автор», устанавливающий критерий наличия авторского самосознания как основную меру авторского начала. Итак, согласно двум взглядам на проблему, 1) в древних литературах появляются свои осознанные авторы; 2) мировая культура имеет единую точку отсчета осознанного авторства – Древнюю Грецию. Отталкиваясь от второго положения, выраженного в работах С.С. Аверинцева, мы обратили внимание на рождение античного автора. Выделены предпосылки, утвердившие авторское начало в древнегреческой культуре: переход от мифа к логосу; развитие грамотности; отсутствие государственной монополии на письмо; общественный престиж творческой деятельности; именное кодирование научных достижений, произведений искусства и философии. Делается вывод, что генезис авторства во многом обусловлен теми же культурно-историческими факторами, которые называются исследователями при рассмотрении «греческого чуда». Таким образом, доказывается генетическая связь феномена осознанной авторской деятельности с иными достижениями эллинской духовной культуры.

Ключевые слова: автор; рождение автора; осознанный автор; античный автор; античная культура; греческое чудо

Для цитирования: Егоров Н.С. Рождение автора как междисциплинарная проблема // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 4. С. 209-217. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-9

N. S. Egorov | The birth of the Author as an interdisciplinary problem

Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Korolev St., Belgorod, 308033, Russia; jivaturik@yandex.ru

Abstract. The largest Russian and foreign researchers of authorship (S. Averintsev, V. Vinogradov, D. Likhachev, R. Barthes) considered the figure of the author in historical retrospective. The dynamics of authorship, responding to the change of cultural and historical epochs, has become a research evidence. Nevertheless, the question of the era of the author's birth is still an extensive interdisciplinary problem that does not

have a conventional solution. In this article, we have formulated two main academic views on the problem, using the term "conscious author", which establishes the criterion of the author's self-consciousness as the main measure of the author's origin. So, according to two views on the problem, 1) ancient literatures have their own conscious authors; 2) world culture has a single point of reference of conscious authorship – Ancient Greece. Starting from the second view expressed in the works of S. Averintsev, we drew attention to the birth of the ancient author. The prerequisites that confirmed the author's origin in ancient Greek culture were highlighted: the transition from myth to logos; the development of literacy, the absence of a state monopoly on writing; the public prestige of creative activity; nominal coding of scientific achievements, works of art and philosophy. It is concluded that the genesis of authorship is largely due to the same cultural and historical factors that researchers call when considering the "Greek miracle". Thus, the genetic connection of the phenomenon of author's activity with other achievements of the Hellenic spiritual culture is proved.

Keywords: author; birth of the author; conscious author; ancient author; ancient culture; Greek miracle

For citation: Egorov N. S. (2023), "The birth of the Author as an interdisciplinary problem", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (4), 209-217, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-9

Введение

Вопросы об авторе имеют принципиально междисциплинарный характер. Литературоведение, герменевтика, философия творчества, психология творчества, юриспруденция и другие гуманитарные дисциплины предлагают свой взгляд и свои определения термина «автор». Даже если определение в строгом смысле не принадлежит к тезаурусу какой-либо дисциплины, оно содержит точки соприкосновения с ней. Определение может быть психологично, может опираться на филологические или правовые категории. Пример этому можно наблюдать в трех определениях А.П. Огурцова (Огурцов, 2009: 19). Нас же во всем многообразии семантических флуктуаций «авторского» интересует культурно-исторический компонент.

Фигура автора безусловно имеет хронологическое измерение. Неслучайно такие классики отечественной филологии, как С.С. Аверинцев, В.В. Виноградов и Д.С. Лихачев, рассматривали автора в исторической динамике. Все они указывали на изменчивость авторства, обусловленную этапами развития культуры. К примеру, у

В.В. Виноградова читаем: «Понятия автора и литературного произведения не являются стабильными для разных эпох истории народной культуры и литературы» (Виноградов, 1961: 27). Обращаясь к западной мысли, скажем, что большое внимание историческим интерьерам уделяла культурно-историческая школа искусствознания, видевшая автора в его биографической конкретике. Даже Р. Барт в своем программном эссе говорит об авторстве в исторической ретроспективе, упоминая первобытное общество и Новое время (Барт, 2008).

Таким образом, культурно-историческая эволюция автора представляется исследовательской очевидностью. Однако на более узкие вопросы об авторе нет конвенциональных ответов. Одним из самых спорных вопросов является появление автора. В какой культурно-исторический период он рождается?

Осознанное и неосознанное авторство

Прежде чем подойти к вопросу о рождении автора, нам следует вспомнить, что

граница авторства в различных интерпретациях термина может быть сколь угодно широка. Если мы имеем в виду авторство как простое «соотнесение результатов деятельности» с субъектом (Грицанов, 2007: 6), то в этом случае вопрос появления авторства утрачивает остроту. Момент рождения такого автора может быть связан с рождением самого творчества. Не вызывает сомнений, что создатель наскальных рисунков был соотнесен своими родичами с результатом его деятельности.

Иная авторская ретроспектива возникает по мере усложнения термина. Если под автором понимать носителя творческого самосознания, творческой индивидуальности, ценностных установок, то в дописьменные эпохи об индивидуально-авторском начале приходится говорить с большой осторожностью ввиду того, что мы не можем достоверно оценить степень рефлексии художника о своем авторстве. Поэтому уместным представляется использование термина «неосознанное авторство». М.И. Стеблин-Каменский, употреблявший этот термин применительно к создателям скандинавских саг, понимал его как неосознанность границ личности и творчества, смешение художественного вымысла и правды в собственном смысле слова (Стеблин-Каменский, 2020). Осознанное же авторство предполагает власть над произведением. Такое понимание становления авторства созвучно с мыслью А.А. Веселовского о том, что «господство над содержанием и формой рождает самосознание певца» (Веселовский, 1989: 112). Разумеется, неосознанность не может выступать негативной характеристикой качества художественного материала. Она лишь указывает на отсутствие привычной схемы отношений между творцом, творением, пересказчиком, переписчиком и слушателем (читателем). М.И. Стеблин-Каменский настаивает на том, что в древнескандинавской литературе было и осознанное (скальды), и неосознанное (создатели саг) авторство.

Об осознанном и неосознанном авторстве писал и С.С. Аверинцев, используя другие категории. В своем анализе словесной культуры он выявил «всемирно-исторический поворот от дорефлективного традиционализма, характеризовавшего словесную культуру и на дописьменной стадии, и в литературах древнего Ближнего Востока, и у архаических истоков самой греческой литературы, к рефлексивному традиционализму» (Аверинцев, 1981: 3). Не упоминая само авторство, С.С. Аверинцев далее пишет об осознании: «...существо этого поворота в том, что литература осознает себя самое» (Аверинцев, 1981: 3).

Для С.С. Аверинцева не существует осознанного автора, автора в полном смысле слова, до греко-римской Античности. На месте автора стоит авторитет мудреца, учителя, пророка, правителя. Этому суждению вторят некоторые современные исследователи. Н.А. Соколова пишет: «На Востоке, как и в любом традиционном обществе, ни один “сочинитель” не в состоянии помыслить себя автором» (Соколова, 2003: 252).

Совсем иную точку зрения об осознанности и авторстве находим у М.А. Коростовцева. В книге «Писцы Древнего Египта» он подробно останавливается на интересующей нас проблеме (глава «Проблема авторства в Древнем Египте») и доказывает, что за пределами античной литературы существовало не только авторство в виде именованного текста, но и авторство в его осознанной полноте. В пример приводятся размышления илиопольского жреца Хахеперрэсенба: «Хахеперрэсенб хочет быть новатором в литературе, его не удовлетворяет обычное повторение уже много раз высказывавшихся истин, ставших банальными, он хочет найти “неизвестные... высказывания и изречения непривычные из новых слов, не бывших (ранее)...” и т. д. Это ли не творческие поиски автора?» (Коростовцев, 2003: 119). М.А. Коростовцев приводит примеры осознанного авторства,

при этом из других приведенных им текстов очевидно существование авторства «по случаю», по должности.

Таким образом, мы можем выделить следующие позиции:

1) в древней литературе имеет место осознанное и неосознанное авторство (М.И. Стеблин-Каменский, М.А. Коростовцев);

2) осознанное авторство, возникающее на рефлексивной стадии развития словесной культуры, не характерно для древней литературы за пределами греко-римской Античности (С.С. Аверинцев).

В связи с наличием этих двух позиций вопрос о рождении автора представляется нам задачей с двумя равнозначными, но противоречащими друг другу ответами:

1) в древних литературах появляются свои осознанные авторы;

2) мировая культура имеет единую точку отсчета осознанного авторства – Древнюю Грецию.

Культурно-исторический фон рождения автора

Из сказанного выше следует, что факт появления первых осознанных авторов в Древней Греции не является конвенционально признанным. Тем не менее едва ли какая-либо древняя культура может сравниться с греческой Античностью по масштабам проявления авторского начала. В связи с этим именно древнегреческая культура взята нами как некий образец, классика раннего авторства. Не случайно именно древнегреческие авторы считаются первыми классиками в истории европейской цивилизации, создателями первой классической литературы и философии.

Принято считать появление упомянутой литературы и философии частью «греческого чуда», куда входят достижения в области политики, искусства и науки. Авторство в уникальном для Древнего мира виде также представляет собой один из аспектов «греческого чуда». Ведь невозможно помыслить авторство само по себе, за рамками развития словесности, искусства и науки. Когда мы говорим о динамике

авторства, мы как минимум имеем в виду изменения в обстоятельствах написания, бытования и восприятия текстов, а зачастую идем дальше и привлекаем иные культурные контексты. В данном случае нам важно зафиксировать, что древнегреческое авторство – органическая часть всей духовной культуры греков.

Но зачем нам нужно включение авторства в общую композицию древнегреческих достижений? Для того, чтобы найти общие предпосылки.

Наличие общих предпосылок у таких разных древнегреческих феноменов, как олимпийские игры, демократия, театр и т. д., не вызывает сомнений у исследователей, именующих всю совокупность интеллектуальных и материальных достижений «чудом». Рассмотрим, насколько эти же предпосылки будут релевантны по отношению к авторскому началу.

Первой предпосылкой будем считать переход от мифа к логосу, подробно рассмотренный в трудах Ф.Х. Кессиди (Кессиди, 2003). В его трактовке, сущность перехода состоит, в частности, в историческом движении от первобытного родового коллектива к племени, в котором появляются зачатки индивидуальности. Художественное мышление отделяется от мифологического. В связи с этим появляется литература – эпос и сказка. Вместе с образно-художественным получает развитие логически-рациональное мышление. Слитые в мифе формы освоения мира (философия, искусство, религия, литература), приобретают самостоятельное значение.

Перечисленные пункты не могут считаться полноценным описанием глобальной культурологической темы, избранной Ф.Х. Кессиди. Они выбраны нами как наиболее применимые к нашему исследованию авторства. Осознанное авторство требует индивидуального самосознания. Именно в Древней Греции «на исторической арене появляется индивидуальность, элементы личностного начала, моменты личной инициативы, личного выбора» (Кессиди, 2003: 137). А.И. Зайцев также

указывает на «формирование индивидуальностей, проявляющихся в разнообразных сторонах жизни» (Зайцев, 2000: 31). Это отнюдь не означает верховенства частного над общим, личного интереса над интересами коллектива. Политическая философия греков (как и сам хозяйственный уклад традиционного общества) однозначно ставит коллектив выше индивида. Тем не менее вместо коллективного мифосознания приходит индивидуальный логос, способствующий появлению отдельной творческой единицы – автора.

Автор сознает недостоверность своего рассказа, в отличие от достоверного мифа. Есть и другое важное отличие: «...в центре мифа некая коллективная судьба, <...> а не события из жизни отдельных людей» (Мелетинский, 1963: 24). Литература даже в самых древних ее памятниках интересуется частным, уникальным, хотя и находит в нем типическое. Итак, осознанный автор сам есть единица, отделенная от мифотворческого процесса, и плод его деятельности повествует о частном, а не о коллективном. Хотя последнее нельзя считать непреложным правилом.

Далее в процессе перехода от мифа к логосу обособляется литература как новая форма освоения мира. Первые попытки ее теоретизации предприняты Демокритом в сочинениях «О поэзии», «О Гомере», «О песни». Древнегреческую литературу нельзя считать частью культа, быта, воспитания. Такое слияние, характерное для Древнего мира, устраняется постановкой внутренних целей и правил.

Внешние по отношению к самой литературе цели определяли характер творческой деятельности и роль творческого субъекта на Востоке (роль жреца, правителя, мудреца, учителя), в античном мире мы видим самостоятельного автора, имеющего внутренние цели. У Аристотеля читаем: «Цель трагедии составляют события, сказание, а цель важнее всего» (Аристотель, 1983: 652). Таким образом, мы видим, как становление логоса предполагает утверждение индивидуально-авторского начала.

Еще одной предпосылкой является развитие письменности и ее демократизация: «Распространение письма в чисто интеллектуальном плане превратило со временем знания и культуру из привилегии жрецов и родовой аристократии в достояние всех граждан <...> С процессом демократизации знаний и культуры связано появление первых письменных сочинений философов, историков и поэтов, запись поэм Гомера и Гесиода и т. п. Греческая культура, приняв светский характер, поставила вместо авторитета традиции (обычного права) авторитет закона, вместо религиозного авторитета – авторитет человеческого разума» (Кессиди, 2003: 30). В этих словах иным способом выражена идея С.С. Аверинцева о переходе от авторитета к авторству. Авторитет свойствен богам как источникам божественной инициативы, источникам авторитетного слова, транслируемого людьми. Авторство же вполне соотносимо с человеком, не претендующим на особый духовный статус. В этом смысле роль практик письма в Древней Греции можно считать едва ли не решающей в появлении авторства как почти тривиального явления.

Распространение грамотности можно объяснить отказом от линейного письма (крито-микенский период), сложность которого переводила пишущего человека в разряд профессионалов – писцов. Алфавитная запись значительно более проста в освоении. Однако само по себе упрощение механики не могло бы привести к демократизации письма без демократизации общественно-политической сферы. Монополия государства на письмо, характерная для древних культур Востока, несовместима с полисной демократией, в которой «первичное образование граждан находилось за сферой внимания государства» (Петров, 1997: 173). Грамотность, как пишет М.К. Петров, «стала частью “гражданской доблести”» (Петров, 1997: 132).

Если древнеегипетская религиозная, научная и художественная литература со-

здавалась в относительно закрытых сообществах писцами так называемых «домов жизни», то в Древней Греции социальная база письма несравненно шире. Доступ к письму имели ремесленники и даже рабы. Тем более высокой грамотностью обладали люди, так или иначе относившиеся к искусству, к примеру, мастера-керамисты (Суриков, 2013). Благодаря их подписям предметы древнегреческого искусства обладают именной печатью авторства.

Следующей предпосылкой «греческого чуда» и расцвета авторского начала можно считать общественный престиж творческой деятельности (Суриков, 2013). Творческая слава, как и слава вообще, была одним из основных мотивов свершений: «Славный повсюду меж всеми людьми, Феогнид из Мегары» (Феогнид, 1999: 255), – так Феогнид предвещал свою славу. С этим можно связать отстаивание своего «авторского права». Точнее будет сказать: «права на авторскую славу».

Понятие авторства в контексте прав на признание уникального творческого вклада однозначно существовало в древнегреческой культуре как минимум с классической эпохи. Феогнид пишет: «Кирн! Мои поученья тебе да отмечены будут прочно печатью моей. Их не украдет никто, худшим никто не подменит хорошего, что написал я» (Феогнид, 1999: 255).

Демосфен, сознающий свое право на почести, около десяти лет добивался золотого венка за надгробную речь о павших в битве при Херонее и добился своего речью «О венке». Д.А. Братусь в книге, посвященной исследованию истории авторского права, пишет о борьбе Демосфена: «Вот он – подлинный фундамент античных авторских отношений! На подобной неумолимой основе формировалось древнее авторское право» (Братусь, 2018: 92).

В последнюю очередь разберем предпосылку утверждения авторского начала, которая имеет меньшее значение для «греческого чуда» в целом, но предельно важна для погружения в проблему рождения древнего автора. Мы говорим о лично-именной

матрице античной культуры. Термин «именная матрица» используется М.К. Петровым (Петров, 1997), однако применяется им относительно преолимпийского и олимпийского периода древней культуры. Эти периоды в хронологии М.К. Петрова предшествуют греческой Античности.

«Именная матрица» фиксирует наличие профессионально-именного социокода, нерасчлененных должностно-именных комплексов: «Везде и всюду имя мыслится вечным и неразрушимым, оно жестко определяет права и обязанности носителя в различных, иногда весьма многочисленных трудовых, социальных и бытовых ситуациях, сведенных в единый ритуал общественной жизни» (Петров, 1997: 21). Такая система представляет собой инерционную и стабильную память племени – социальный институт. Кроме того, именная матрица имеет связь с божественной генеалогией – именами обитателей Олимпа: «Ничего нельзя было бы ни объяснить, ни понять, не обращаясь к Олимпу, к связям с именем бога или к кровнородственным отношениям божественных имен» (Петров, 1997: 109).

Даже когда М.К. Петров пишет не о профессиональном или пантеистическом кодировании, а о «лично-именном социокode», речь идет о доантичной социальной реальности: «Лично-именной социокode ближе всего к той исходной схеме социального кодирования, о которой мы говорили как о минимальных условиях социогенеза и в основе которой лежит имя-адрес, оно же – ячейка матрицы фрагментирования, оно же – знак, включающий индивида в социальность. Социокode этого типа встречаются в охотничьих “племенных” или “первобытных” обществах. Отличительная особенность этих социокode – наличие в них конечной по числу группы вечных взрослых или “охотничьих” имен» (Петров, 1991: 97).

Мы будем говорить о лично-именной матрице античной культуры в ином смысле. Для нас важно обратить внимание на имен-

ное кодирование достижений науки, искусства и философии, ведь именно такое кодирование позволяет говорить об утверждении авторского начала – авторского изобретения, произведения и даже мысли. Не случайно почти все диалоги Платона имеют именные названия. Если в XX веке М. Фуко найдет предельный масштаб авторства – учредитель дискурсивности (Фуко, 1996), то не будет ошибкой выделить авторский минимум – автор, сведенный до мысли, изречения. Таких авторов реконструирует Платон в кругу Сократа, наделяя мысль именным кодом.

Социокультурная память греков сохранила также имена людей, не оставивших ни материального, ни духовного наследия (олимпиоников), и даже те имена, которые непременно следовало забыть (Герострат). Список известных поныне древнегреческих спортсменов, стратегов, ораторов, скульпторов, логографов и поэтов гораздо длиннее гомеровского каталога кораблей. Объяснить это исключительно сохранностью древнегреческих памятников духовной культуры у римлян и арабов было бы большим упрощением. Счет найденных месопотамских табличек идет на десятки тысяч. Тем не менее нам не приходится говорить о тысячах авторских имен. Тексты Древнего Востока зачастую безличны, т. к. имеют административный характер, а достижения науки, искусства, как и целые технологические сферы носят божественные, а не земные имена (об этом пишет М.К. Петров). В античной Греции мы наблюдаем иное – сохранение имени как признание индивидуального человеческого вклада в достижения любой сферы жизни. Поэтому, исследуя Античность, мы видим не «суровый пафос безличного порядка» (Аверинцев, 1996: 39), а полифонию личностей, образующих антропонимически обозначенную среду.

Заключение

Поиски культурно-исторической эпохи рождения автора заставили нас обратить внимание на важнейший признак авторской деятельности – осознанность. Пользуясь разной

терминологией, исследователи пропускали историю авторства через фильтр осознанности и приходили к противоположенным выводам. По мнению М.И. Стеблин-Каменского и М.А. Коростовцева, в древней литературе имело место осознанное и неосознанное авторство. С.С. Аверинцев, напротив считал, что осознанное авторство, возникающее на рефлексивной стадии развития словесной культуры, не характерно для древней литературы за пределами греко-римской Античности.

Признавая неразрешимость этого противоречия, мы все же выбрали Античность как наиболее показательный, классический пример утверждения авторского начала.

Переход от мифа к логосу объясняет появление индивидуального творческого самосознания, действующего в рамках обособленной и теоретизированной литературы. Коллективное безавторское мифотворчество уступает место индивидуально-авторскому – научному и художественному. Другая предпосылка указывает на радикальное увеличение субъектов письма. Бурное и почти повсеместное развитие грамотности заставляет говорить о семиотической революции (Петров, 1997: 136) в классическую эпоху древнегреческой культуры. Демократизация и деритуализация письма также обеспечила революцию авторства. Автор-авторитет, источник авторитетного и утверждающего слова или божественного откровения, уступил место автору с маленькой буквы – автору-человеку.

Общественный престиж творческой деятельности, уважение к результатам интеллектуального труда дают нам право искать в Древней Греции первые зачатки авторского права, еще не обретшего имущественную основу. Это право на признание и славу в качестве автора конкретного произведения. Лично-именная матрица античной культуры сохранила для последующих поколений бесчисленное множество авторских имен, наделив общественные, научные и художественные достижения антропонимическим кодом.

Таким образом, генезис авторства во многом обусловлен теми же культурными факторами, которые называются при рассмотрении «греческого чуда». Рождение автора занимает место в ряду иных рождений (гражданина, политика, спортсмена) и имеет с ними единый культурно-исторический корень.

Литература

Аверинцев, С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа, 1996. С. 13-75.

Аверинцев, С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М.: Наука, 1981. С. 3-14.

Аристотель. Поэтика // Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 645-680.

Барт, Р. Смерть автора / пер. Г.К. Косикова // Эстетика и теория искусства XX века: Хрестоматия / отв. ред.: Мигунов, С.А., Хренов, Н.А. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 459-466.

Братусь, Д.А. Авторское право и Древний Рим: Исторический фундамент этической концепции. М.: Статут, 2018. 288 с.

Веселовский, А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.

Виноградов, В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961. 614 с.

Грицанов, А.А. Автор // Новейший филологический словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск: Современный литератор, 2007. С. 6.

Зайцев, А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 320 с.

Кессиди, Ф.Х. О «греческом чуде» и менталитете древних греков // Философия и общество. 2003. № 1. С. 135-143.

Кессиди, Ф.Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с.

Коростовцев, М.А. Писцы Древнего Египта. СПб.: Нева; Летний Сад, 2001. 368 с.

Мелетинский, Е.М. Происхождение героического эпоса. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 462 с.

Огурцов, А.П. Автор // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / сост. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. С. 19-23.

Петров, М.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997. 352 с.

Петров, М.К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991. 328 с.

Соколова, Н.А. Возможно ли творчество в постсовременную эпоху // Стратегии взаимодействия философии, культурологии и общественных коммуникаций: Материалы всероссийской конференции, посвященной 10-летию юбилею фак. философии человека Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. СПб, 2003. С. 250-257.

Стеблин-Каменский, М.И. Мир саги. Становление литературы. М.: Едиториал УРСС, 2020. 248 с.

Суриков, И.Е. Афинские граждане архаической и классической эпох как писцы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 17 (118). С. 181-204.

Суриков, И.Е. Замечания об исторической мысли и исторической науке в античности (Древняя Греция) // Античный мир и археология. 2017. № 18. С. 46-58.

Феогнид. Элегии // Эллинские поэты VII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. М.: Ладомир, 1999. С. 254-273.

Фуко, М. Что такое автор? // Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 8-48.

References

Aristotle (1983), "Poetics", in Gasparov, M. L. (ed.), *Sochineniya: V 4-kh t. T. 4* [Works: In 4 volumes. Vol. 4], Mysl', Moscow, Russia, 645-680.

Averintsev, S. S. (1981), "Ancient Russian poetics and world literature", *Poetika drevnegrecheskoy literatury* [The Poetics of Ancient Greek literature], Nauka, Moscow, Russia, 3-14.

Averintsev, S. S. (1996), "Greek 'literature' and Middle Eastern 'literature' (confrontation and meeting of two creative principles)", *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and the origins of the European literary tradition], Shkola, Moscow, Russia, 13-75.

Barthes, R. (2008), "The Death of the Author", translation from French by Kosikov, G.K., *Estetika i teoriya iskusstva XX veka: Khrestomatiya* [Aesthetics and Theory of 20th Century Art: A Textbook], ed.: Migunov, S.A., Khrenov, N.A., Progress-Traditsiya, Moscow, Russia, 459-466 (in Russ.).

Bratus, D. A. (2018), *Avtorskoe pravo i Drevniy Rim: Istoricheskiy fundament eticheskoy kontseptsii* [Copyright and Ancient Rome: Historical Fundamental Ethical Concept], Statut, Moscow, Russia (in Russ.).

Feognid (1999), "Elegies", *Ellinskie poety VII–III vv. do n. e. Epos. Elegiya. Yamby. Melika* [Hellenic poets of the 7th–3rd centuries BC. Epic. Elegy. Yambes. Melika], in Gasparov, M. L. (ed.), Lodomir, Moscow, Russia, 254-273 (in Russ.).

Foucault, M. (1996), "What is an Author?", *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years], transl. from French by Tabachnikova, S., Kastal', Moscow, 8-48 (in Russ.).

Gritsanov, A. A. (2007), "Author", *Novyeyshiy filosofskiy slovar'. Postmodernizm* [Modern philosophical dictionary. Postmodernism], in Gritsanov, A. A. (ed.), Sovremenny literator, Minsk, Belarus, 6 (in Russ.).

Kessidi, F. Kh. (2003), "About the 'Greek Miracle' and the mentality of the ancient Greeks", *Philosophy and Society*, 1, 135-143.

Kessidi, F. Kh. (2003), *Ot mifa k logosu: Stanovlenie grecheskoy filosofii* [From myth to logos: The formation of Greek philosophy], Al-eteya, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Korostovtsev, M. A. (2001), *Pistry Drevnego Egipta* [Scribes of ancient Egypt], Neva; Letniy Sad, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Meletinsky, E. M. (1963), *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa* [Origin of the Greek epic], Publishing House of Oriental Literature, Moscow, Russia (in Russ.).

Ogurtsov, A. P. (2009), "Author", *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Philosophy and Epistemology of Science], in Kasavin, I. T. (ed.), Kanon +, Moscow, Russia, 19-23 (in Russ.).

Petrov, M. K. (1997), *Antichnaya kul'tura* [Ancient culture], ROSSPEN, Moscow, Russia (in Russ.).

Petrov, M. K. (1991), *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, sign culture], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Sokolova, N. A. (2003), "Is creativity possible in the post-modern era", *Strategii vzaimodeystviya filosofii, kul'turologii i obshchestvennykh kommunikatsiy: Materialy vserossiyskoy konferentsii, posvyashchennoy 10-letnemu yubileyu fakulteta filosofii cheloveka RGPU*

im. A. I. Gertsena [Strategies of interaction of philosophy, cultural studies and public communications: Materials of the All-Russian conference dedicated to the 10th anniversary of the Faculty of Human Philosophy of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University], Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Institute, Saint Petersburg, Russia, 250-257 (in Russ.).

Steblin-Kamensky, M. I. (2020), *Mir sagi. Stanovlenie literatury* [The world of the saga. The formation of literature], Editorial URSS, Moscow, Russia (in Russ.).

Surikov, I. E. (2013), "Athenian citizens of the Archaic and Classical eras as scribes", *RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, Series, 17, 181-204 (in Russ.).

Surikov, I. E. (2017), "Remarks on Historical Thought and historical science in Antiquity (ancient Greece)", *Ancient World and Archaeology*, 18, 46-58.

Veselovsky, A. N. (1989), *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics], Vysshaya shkola, Moscow, Russia (in Russ.).

Vinogradov, V. V. (1961), *Problema avtorstva i teoriya stiley* [The author's problem and the theory of styles], Goslitizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Zaitsev, A. I. (2000), *Kul'turnyy perevorot v Drevney Gretsii VIII–V vv. do n. e.* [Cultural revolution in Ancient Greece of the VIII–V centuries BC], Publishing House of the Faculty of Philology of St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Егоров Никита Сергеевич, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королёва, д. 7, г. Белгород, 308033, Россия; jivaturik@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Nikita S. Egorov, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Culturology, Science Studies, Belgorod Institute of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308033, Russia; jivaturik@yandex.ru